

3.

Фёдор, понимая, о чём речь, как-то безразлично попытался сократить разговор:

— Это ты о... предрекающих конец света и пугающих муками и адом? Э, брат, запутано всё это и сложно, а главное — всё ложь! И у того, кто грабёж признаёт благом для увеличения труда, и у того, кто страхом думает отлучить стяжателя от страсти его. В этом, как говорится, всё от нуля в человеке, и в веру всё упирается...

— А во что верить?.. Кому? Сытому?.. Я вот ещё в детстве случаем подглядел, как поп живёт. Справно, сытно, вроде и лишнее уже, а ему ещё несут. А мы голодно перебивались, и никто не предлагал, не нёс. Я, по мальству не понимая, за какие такие заслуги несут, как бы обиду таил под худым ребром на весь белый свет за несправедливость

явную. Это уж потом понял, что на всех голодных у него никогда не хватит, потому он и не раздаёт. Слова витиеватые да заковыристые раздаёт, за которые ему несут. Щедро, не скупясь, что говорится, от души. А что слово голодному? Звук один, им брюхо не пополнишь. Обида лишь беспощадная. Вот если бы он сам голодовал, либо не брал, или отдавал всё без остатка, тогда мне, малому, понятно было бы, и обиду объяснить проще было бы. Это уж я потом понял, что если всё отдать да сравняться с голодным, то к тебе ходить не будут и нести перестанут. Потому как у тебя с голодухи слово простым да понятным станет. А к тебе ж за важным да чудным словом идут. Авось знаешь такое от достатка своего. А он и сам не знает такого слова, а если и знает, то лукаво скрывает. И радость у него по праздникам да любовь ко всем неискренняя, поддельная. Всех любить души не хватит, как и еды на всех голодных. Если он однажды как-то в себе открыл чудное искусство небеса любить, то, конечно же, и радуется тому. Других к тому же вроде зовёт. А другие просто друг дружку любят или просто того чувства совсем не знают. Не дано. Вот я, к слову, когда-то к печному делу приноровился, люблю, знаешь ли, с глиной от души повозиться. И себе радость удивительная, и людям польза. А я и горд тем. Других вроде наставлять пробую, да, вижу, не у многих сноровка к этому делу. Другие-то не способны. Так и священник, даже если и крепко верующий, научившись вере до восторга душевного, другого не шибко к тому приспособит. Не всем, как я понимаю, дано с небом разговоры толковать...

Тут, понимая бесконечность своих рассуждений, старик, почёсывая бороду, нехотя повернул разговор к другому:

— Ладно, давай про жисть, паря. Ты уж больно неприлично выглядишь. Давно странствуешь?..

— Да вот сам вспомнить пытаюсь, — Фёдор, поёживаясь, попытался приподнять воротник кургузой фуфайки.

Старик в это время подвинулся к костру.

— Давай, давай вспоминай и рассказывай...

Фёдор чуть подумал, потом оживился:

— Э-хе-хе! Жизнь, денёчки-годы!.. Пролетели, словно один миг, и не заметил вовсе, как шесть десятков отшлёпал по земле. А память, хоть и говорят — всё с собой носит, дамочка с заковыкой, не всё так просто в кладовой своей по полочкам раскладывает. Где и на виду какие события держит, а что в такие потёмки забросит — ни с какой свечой никак не отыскать. Детство вихрастое всё больше помнится, душные июльские вечера в заозёрье, костерок в ночном, запах потного пастушьего седла. Я же местный, если признаться, там вон, за рекой, совхоз был и дом отцов у сельсовета. Не знаю, стоит ли ещё. Вот думаю добраться-таки. Верно говоришь, болит сердце за брошенную родину. Нынче признаюсь в том, что самые светлые и яркие воспоминания остались от сельского детства. А по сути то были трудные годы, не от великих жиров ведь сбегали в города. Но вот в памяти почему-то остались предрассветная зябкая тишина над сонной землёй, ленивое, ещё не проснувшееся стадо телят, потом день-деньской забота об этом стаде, полуденное пекло и, наконец, синяя расслабляющая ночь, с какой-нибудь замечательной кинокартиной в шумном сельском клубе...

— Так ты тереховский, стало быть, нашенский? — сверкнул озорно глазом старик. — Теперь понятно, почему у нас разговор клеится. А где телят пасли, не припомнишь?

...Завертелось в голове колесо памяти, болезненно, с натягом, перемежая картины прожитого близкого времени и каких-то фантазий, сумеречных, малопонятных, словно из чужих мыслей собранных. Вдруг вспомнился дед из детства на этом самом месте, где ныне встретил до жути похожего старика. И схожий шалаш, и вентерь в лодке, и даже голяны привиделись такие же. Только дед тот был на деревянной ноге и с бородой большущей по самые глаза. Но похож! «Уж не внук ли? Спросить вроде совестно...» О том одиноком старике много всяких слухов ходило, будто он уголовник отпетый и вообще потерянный человек. Мама младшего брата всё стращала тем дедом: «Будешь

хулиганить, тебя Семён Лютич на своей деревянной ноге к себе за озеро унесёт...»

Фёдор припомнил, как, будучи в первом классе, встретил того деда зимою в пургу, когда запоздало бежал из школы домой. Страх сбиться с дороги торопил, а выюжный ветерок в спину подгонял. Из снежных сумерек неожиданно нависла сверху бородастая фигура и прохрипела: «Да ты храбёр, малец! Только в буран к ночи негоже одному быть».

От голоса его да от грузной фигуры страху ещё больше прибавилось, но когда старик взял его за руку и молча пошёл рядом, пришло чувство удивления и благодарности. Уже дома, через полчаса, в тёплой постели приятно было, подрёмывая, наблюдать из дальней комнатки через занавеску, как отец о чём-то тихо разговаривает со стариком, присевшим на табуретке у кухонного стола. Одна нога его расстёгнутого полушубка опустилась на пол, обнажив при этом коричневую трубу толстого деревянного костыля вместо ноги. С тех давних пор Фёдор знал точно, что добро в жизни всегда есть даже там, где страху много...

Вернулся мыслями к своему рассказу.

— Вашенский... только перезабыл за жизнь всё. Скот совхозный пасли там... в заречье, где черёмухой берега поросли, а далее луговина до самой красной скалы. Клевером луговину год от года подсевали. Надо же, вспомнил!.. — обрадовался Фёдор. — Девяностые вот плохо помнятся. Может быть, по причине страха за семью, за работу, а вот недавнее, осень ли, зиму, не могу вспомнить, хоть убей...

Сумерки как-то сразу надвинулись к берегу, оставляя серый свет лишь над водой вдоль стены камыша. Старик бросил в костёр пару поленьев и рассказал свою историю.

— Верно говоришь, страх память короткой делает. Я когда-то, лет сорок тому, в автомобильную аварию попал. С семьёй ехал на «жигулёнке», двое малых детей сзади, свояк рядом. Летом дело, на речку с удочками выбирались иногда. Я за рулём, дорога пустая, не то что ныне на трассе столпотворение. Красота окрест. На подъезде к посёлку перекрёсток. Навстречу «зилек», а из-за него на обгон

летит горбатый «Запорожец». Помнишь, такие были?.. Я от страха по тормозам и вправо на обочину ухожу, дальше бы ушёл, но кювет больно глубокий, тоже страшно. А горбач прямо в лоб летит. Медленно так, плавно, как в замедленном кино. И ударяется тоже плавно, стёкла словно расплываются в воздухе перед глазами. Удара не ощущаешь, его словно нет. Это я потом, когда по больницам болячки целый год лечил, соображал, что таким образом организм наш защищается в опасной обстановке. Страх приводит в действие какую-то химию в жилах, в голове, а химия затормаживает действие, чтобы не взорвалось от нагрузки сердце. А ещё, должно быть, талантливый боксёр таким чувством овладевает и в замедленных движениях противника всегда ошибку подмечает и опережает в ударах. Я почему-то так думаю. Умей бы тогда я в аварии использовать такое замедление, глядишь — и увернулся бы на дороге. А так пострадали мы тогда крепко, я на инвалидность сел, свояк до сих пор с ногой мается. Детей, правда, Бог поберёт, лишь чуть переполошились тогда...

Фёдор, слушая, думал о своём, и лишь старик умолк, перевёл на своё:

— Вот и я говорю, развалился мир в девяностые на куски, и не на две половинки, а на мелкие осколки, не собрать, не склеить... и никакая замедленность перед тем, в семидесятые-восьмидесятые, не помогла.

Он помолчал, поворачивая сырое полено в костре, потёр над огнём ладони и продолжил:

— Помню, девятнадцатилетний племянник окончил к тому времени мореходку, сходил в рейс, но вкуса должного в тяжёлой рыбацкой работе не нашёл и потому подался, как и многие тогда из молодёжи, в бизнес, о котором тогда и представления никто не имел. Но, сам понимаешь, нравы и принципы жизни всегда предлагают самые хваткие да изворотливые, потому вокруг них и сбегается всегда народ в любую свару, в любую смуту. Встречаю, вроде незначай, того племяша на улице и не сразу соображаю о неслучайности встречи. Поручкались по-родственному. Заметно

было, как парень возмужал, в чём я польстил ему. Он, как всегда, был приветлив, по-доброму улыбался. Но вскоре примечаю в глазах его хитринку, настороженность какую-то. Подумалось: вырос племяш, не пацан уже, глаз насторожен, и зажат как-то. Разговор завязался обычный: о жите, о родственниках, о жизни вообще, о работе. Но было видно: парень хочет спросить о чём-то более важном. Я ему в лоб вопросом, что, должно быть, неспроста встретились и, верно, дело какое-то есть. Племянник засмутился, но глаз не спрятал и прямо, без лишних слов, предложил: давай к нам в бригаду старшим, дядя Фёдор. У тебя жизненный опыт богатый, авторитетом... будешь. Я сразу-то и не сообразил, о чём это он. Какая бригада, спрашиваю? Ты что, на хорошую работу подрядился? Да, есть, мол, работёнка кое-какая... И парень напрягся, но потом, чуть подумав, видя мою простоту и непонимание, прямо и признался: ты что ж, мол, наивная твоя голова, не видишь, как вокруг народ под себя грести вздумал? Вот и мы, мол, с братвой свою компанию сколотили. Автостоянку организовали, кое-какой ремонт машин предлагаем, кое с кого долги собираем. Ну, в общем, крутимся, но компания недавно дала трещину. Кое-кто из «предводителей» на себя большую долю потянул, дошло до обиды; короче, раздружилась братва, и теперь малой частью вокруг племянника держатся. И всё, кажется, по уму идёт пока, но вот умного да взрослого среди них нет. А ты, говорит, мужик крепкий, кое-какой авторитет в городе имеешь, честный и свой, как говорится...

В костре сырое полено занялось пламенем, и вокруг по-светлело.

— Я стал тогда быстро соображать, откуда у парня такое доверительное отношение ко мне. Припомнил: лет в десять у племяша кто-то из подростков украл новенький велосипед, на котором он и прикатывал иногда в гости из пригорода к моему сыну в наш многолюдный микрорайон, застроенный только что панельными пятиэтажками. Детворы во дворах полно, попробуй угадай, кто спроворил велосипед. Племянник тогда навзрыд ревел и просил найти вора. Я пообещал,

утешая мальчишку, и через пару дней действительно, приглядываясь, заметил пропавший велосипед у одного из подростков. Сходил к мальчишке домой, поговорил с отцом, и к вечеру обрадованный племян примчался и забрал пропажу. Тогда было видно, как благодарен был он, уже и не надеявшийся вернуть велосипед. Он во мне тогда опорой нашёл, обратился за ней и в трудный переломный момент, уже будучи вполне взрослым. Потому я не удивился его предложению, его обращение приятно льстило моему самолюбию, но трезвая мысль чётко подсказывала абсурдность и нелепость ситуации. Парень тоже понимал щекотливость вопроса, предлагая мне войти в их компанию. Ты, говорит, понимать должен, что другим каким манером нам снизу от своего пролетарского простодырья к дележу в городе ни с какой стороны не подойти, но нынешние бандитские времена когда-нибудь кончатся, и не всё организованное ими будет плохим и безнадежным. Вот, мол, и хочется, чтобы хорошее начало в них поддерживал и возглавлял хороший человек. Надо признать, правильные слова парень говорил. Но тогда я плохо вообще понимал происходящее в нас устремление в этот вселенский делёж. Тогда я просто объяснил ему, что уже половину жизни своей прожил честно, зарабатывая простым трудом, никогда не участвуя в сомнительных делах. Так меня учили, так и я учил. Я упомянул о честности и его отца, хотя знал, что зять, что был чуть старше меня, к тому времени как-то сник, подсел на алкоголь, сидел без работы и, по всему, в помощники не годился вообще. Но и я не видел ни с какого бока себя в авторитетах, и как можно спокойнее дал совет и племяннику пересмотреть деятельность. После моей недолгой морали племян, конечно, замкнулся сразу, погрузился, а я увидел всю его молодость и неопытность в дипломатии. Он так надеялся, что разговор приведёт к положительному результату...

Чёрное зябкое небо, низко нависая над округой, казалось, вот-вот совсем накроет ивовый шалаш непроглядной тьмой, поглотив и масляную гладь озера, и камыши у берега, и дымный погрузневший костёр.

— А вообще, к слову, был результат?.. — заинтересованно спросил старик.

— Итогом через несколько лет стало то, что племянник каким-то уж счастливым случаем не угодил, как многие сверстники, в заключение, но по малодушию опустил и запил горькую, как и его отец. Так друг за другом вскоре и погорали от сивухи. Горько, больно такое прожить. Но знаешь, друг, сегодня мне почему-то уж как стыдно за то, что отказался тогда от предлагаемого дела. Многие нынче вышли из передела, из бандитских тусовок в состоятельные предприниматели. Многие избежали каким-то ловким образом прямого соприкосновения с криминалом, просто стяжали, просто сколачивали капитал, а ныне промышляют своими магазинами, заправками, автомастерскими. Но стыдно мне не из-за того, что вроде бы что-то упустил, нет. Совестно за то, что не поддержал тогда племяша, не подставил своё взрослое плечо. Испугался бандитских принципов, побоялся запачкаться в уголовных потасовках. Чистоплюй хренов. Любое дело требует отваги и дерзости, иначе прожжёшь сопли всю жизнь в одиночку, и не поднимется никто рядом с таким...

Фёдор замолчал, вспоминая. Память возвращалась к нему, принося в сердце одновременно и страх, и приятное чувство миропонимания. В мыслях путалось: «Почему это никто? А сын? У меня ведь взрослый состоятельный сын!» Он обрадовался:

— Я вспомнил, как не понимал сына, когда, оканчивая университет, он и дневал, и ночевал где-то в компании таких же по возрасту приятелей, затеявших торговлю иностранными штанами в нескольких местах по городу, приспособив для этого железные контейнеры. Сын помощи не искал, просто упрямо уходил в своё дело. Он у меня состоялся сильным мужиком...

— Да уж... у кого однажды получилось вокруг себя идей какой увлекательной с десятков людей собрать, да работу какую наладить, да ещё и прибыль при этом сколотить, тот теперь всегда на том стоять будет, чтобы, значит, люди

трудились в спороворенном деле. Один раз получилось, на второй раз ещё ловчее выйдет. Это как, научившись держать равновесие на велосипеде, с каждым разом всё быстрее и лучше удаётся. А вообще нынче всё смешалось, всё круговертью взялось. Вчера, например, кое-кто лицедействовал, народ со сцены потешал, а нынче уже в священниках, на сурьёзных должностях значится человек. А то и разом в двух лицах — с утраца поп, а к вечеру артист...

Старик умолк, потянулся за угольком, повертел в руке ловко, не обжигаясь, потом так же ловко опустил уголёк в костёр.

— Ты, я гляжу, не куришь? Вот и я уж какой год как бросил, а у огня нет-нет и хочется дымком побаловаться, — сказал, будто отвлёкся от разговора, но, чуть помолчав, продолжил: — О своих корнях я не шибко осведомлён. Деда, кажется, пришли сюда в конце девятнадцатого века. Царь-батюшка тогда дал добро на заселение здешних земель. Кажется, живи, радуйся, плодись. Ан нет! Не приросла семья ни числом, ни землёй. И надо сказать, что не было в семье ни ярых революцидеев, ни антисоветчиков, чтобы причина была под тюрьму фамилию подводить, а не выросла, не поднялась, не умножилась, факт. Разбрелись родичи по краю, по стране, да и за границей уж кое-кто освоился, у брата дочь где-то в Чили, надо же... — усмехнулся сам себе и продолжил: — Сорвались большей частью с земли, мало на селе осталось, да и не хозяевами опять-таки. Не далась земляца в руки ни при царе, ни при большевиках. И ныне не даётся. После развала Союза крестьяне вроде бы разобрали землю, да она большинству в собственность и не пошла. Кто бросил, кто помер, никому не передал, у кого сил отродясь не было владеть наделом, кто пропил при первом же случае, кто отдал в лихой год за бесценнок богатею. В городах-то вообще земли много никогда не было и не будет. Там другой товар — недвижимость, заводы, фабрики, мосты, небоскрёбы да сила рабочая многомиллионная. Хотя и там за землю грызня идёт несусветная. Потому-то настоящий владелец у земли в кабинетах больших да высоких. Подгрёб всё под

себя да продаёт помаленьку через людей изворотливых, ух-ватистых, алчных, которым чем ни торговать — лишь бы навар был. Нефтью, газом, лесом, водой, воздухом, родиной, матерями, детьми — всё одно...

Грустное лицо его разгладилось то ли от огня, то ли от какой-то мысли, в глазах проступили слёзы.

— У меня заночуешь или как? — спросил, словно знал ответ заранее.

— Ну, если не прогонишь, останусь... — Фёдор давно принял решение скоротать ночь у костра.

— Тогда будем готовиться... — примостил аккуратно котелок с водой к свету на колышек и повернулся к шалашу.

Вскоре укладывались спинами друг к дружке в шалаше на довольно широкий топчан. Фуфайку Фёдор мостил под голову. Старик, предлагая укрыться неважнецким суконным одеялом, закрыл вход брезентовой рваниной и заметил:

— Странно, дух от тебя не пёсий. Больницей будто шибает и парфюмом каким-то...

— Так я же точно из больницы!.. — обрадовался Фёдор и чуть виновато добавил: — Мы ж за весь вечер и не познакомились ещё. Признаться стыдно, я имя своё не помню. В голове одно только — Нефёдов. Должно быть, фамилия...

— А я местный, из Лютичей, зовусь Сергеем. Ладно, спим. Что вспомнишь, завтра расскажешь...

— А сына-то моего тоже Серёгой зовут... — опять обрадовался Фёдор.

Сквозь дырявый полог на входе балагана виднелись изредка искры из догорающего костра, улетающие быстро и бесследно в черноту апрельского холодного неба...